

Симолина Пап

Манная каша

Роман-буффонада. Перевод
с лавландского

Симолина Пап

Манная каша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713537

ISBN 9785447459161

Аннотация

«Манная каша» – последний из бестселлеров лавландской писательницы. Это роман о любви. Очень смешное, местами трогательное повествование с захватывающим сюжетом, полным неожиданных поворотов, невероятных, ужасных и забавных приключений. Образец лавландского постмодернизма.

Содержание

Предисловие переводчика	5
Часть первая	8
1. Гретина скука	8
2. Ганс ни при чём	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Манная каша
Роман-буффонада.
Перевод с лавландского
Симолина Пап

© Симолина Пап, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переводчика

Мы мало что знаем о Лавландии, стране замкнутой и самодостаточной, а ещё меньше о её культурной жизни. Между тем, уже почти два десятка лет там совершенствуется мировая литература. На ежегодном конкурсе «Хеппи-энд» регулярно награждают автора самого удачного финала, специально созданного для какого-либо всемирно известного литературного произведения. За это время лавландскими писа-

телями были усовершенствованы многие произведения мировой литературы, отличающиеся избыточной мрачностью и безысходностью. Из русской литературы были выбраны романы Толстого «Анна Каренина», Достоевского «Идиот», а так же все остальные.

Два года назад известная лавландская писательница Симолина Пап создала хеппи-энд для поэмы нашего соотечественника Венички Ерофеева «Москва-Петушки». По этому случаю скромная делегация нашего Союза Великих Писателей была приглашена в Шуры-Муром на церемонию вручения премии. Которая оказалась приурочена к Карнавалу по случаю урожая манной каши, по сему нам удалось воочию увидеть этот веселый праздник!

О Лавландии, как и о ее столице Шуры-Муроме, рассказывать не буду – об этом много и ярко рассказано в романе «Манная каша». А расскажу-ка я лучше об авторе, неизвестной для русскоязычного читателя и загадочной Симолине Пап, биография которой неотделима от истории ее страны.

Имя «Симолина» переводится, как «манка». Это – каприз ее отца, потомственного кашевара, основавшего крупнейшую фабрику по производству манной каши в Лавландии, стране с богатой манной культурой. Продукция завода экспортировалась под брендом «Симолина».

Однако дочь кашевара отказалась от проторенной манной стези и ушла в журналистику. Но Великий пожар не толь-

ко уничтожил древнюю столицу Лавландии Санта-Клаус, но и резко изменил судьбу журналистки.

Чудом выжившая, потерявшая в огне своих друзей, Симолина больше не находила смысла в поиске сиюминутных новостей. Она уединилась на пепелище и написала роман о пережитом. Ее первая книга «Последний день Санта-Клауса» стала бестселлером. Та же участь постигла и последующие её девять романов. На сегодняшний день Симолина Пап – признанный классик лавландской литературы.

В этой книге представлен последний роман писательницы. Он называется «Манная каша», и в Лавландии стал книгой культовой. Здесь удачное сплетение по-лавландски романтического сюжета, колорита современной лавландской жизни, ярких, истинно лавландских характеров и неповторимой лавландской иронии.

До сих пор книги Симолины Пап не переводились на русский язык. Подозреваю, что это связано с чрезвычайной сложностью и образностью лавландского языка. Я сделала первый и лучший перевод.

Теперь российский читатель имеет возможность узнать, что такое «Манная каша», прочитать легендарный роман в блестящем переводе!

Приятного аппетита!

Переводчик Наталия Гилярова

Часть первая

1. Гретина скука

Думается мне, что скука – переживание вселенского значения. Если вспомнить, например, что и Творец мира со скуки создал все то, что мы имеем удовольствие видеть и осязать.

А Грета скучала, вынужденная занимать незванного гостя, Ганса. Именно скука заставила ее растревожить чувства гостя, но это – не оправдание. Девушка совсем не подумала об ответственности. Она не приняла во внимание переживаний впечатлительного юноши, потакая минутному капризу... Ах, Грета, Грета, поделом тебе! По справедливости

пришлось расплачиваться за легкомыслие...

Наша Лавландия находится на краю земли, но и у нас в своё время отгремела сексуальная революция. Теперь у нас – свобода нравов, равенство полов. И новый менталитет. В ознаменование которого лавландцы стали называться ловарями. Грета, как истинная ловарка, не должна была поступать с Гансом столь небрежно. Я так считаю. Надеюсь, и вы тоже.

История вышла банальная и скучная. Грета гостила в деревне у тётки, Ганс свалился им обеим на голову. Грета повела гостя дышать воздухом. Они бродили по тропинкам-перелескам. А там небо вдруг оказалось по-праздничному усыпано звездами. Зелень к концу лета как раз достигла предельной густоты и сочности, а в воздухе уже слышался пряный запах желтых листьев. И Грета ни за что ни про что толкнула Ганса! Он упал в траву.

Надо заметить, что Гансу не понравилось ее бесцеремонное с ним обращение, он испугался и расстроился. Давно выпала вечерняя роса, валяться в траве показалось мокро, зябко, неудобно. Но когда Грета упала рядом и стала тормошить его и целовать, он немного утешился. Такое времяпровождение всё же немного интереснее, чем чинно сидя на веранде, распивать чай с тетушкой Эугенией. Только веточки царапались. У нас в Лавландии весь грунт густо усыпан сухими веточками. Да травинки щекотали уши. А Грета смеялась над его несчастьями без всякого сочувствия! Ганс сел в тра-

ве, отряхнулся, счистил с себя все эти противные веточки, травинки, паутинки, и наивно поинтересовался:

– И давно ты того... в меня влюблена?

Тогда Грета и поняла, что зря не подумала. Ей сделалось стыдно – она совсем не была влюблена в Ганса, нисколько! Всё одна лишь скука. Жалкое переживание, как полагала она. Ей не вспомнилось, что даже сам Творец со скуки напёк блинов. Она презирала скуку. И вот теперь надо было признаться, что скука овладела ею и даже руководила ее поведением! Её, Греты, которая всегда искала гармонии и пыталась, насколько возможно, развернуть события и расположить предметы ко всеобщему удовольствию, изо всех сил стараясь, чтобы всё было хорошо! К тому же вспомнилось изречение какого-то древнего восточного мудреца о том, что молодая девушка, мол, должна быть прекрасна – и лицом, и фигурой, и манерами, и даже мыслями. А тут – безобразная скука. Уж лучше наврать, что она хоть что-то чувствует к Гансу.

– Не очень давно, – соврала Грета.

Поделом тебе, Грета! И за эту ложь, эту рисовку, эту слабость потакать желаниям Ганса и неведомого восточного мудреца видеть тебя прекрасной ты сполна расплатишься – и в очень скором времени!

– А ты знаешь, я ведь тебя не люблю, – неожиданно признался Ганс.

– Конечно, знаю, – удивилась такому признанию Грета.

Мог бы сказать что-нибудь пустое и ни к чему не обязывающее. Или помолчать – тоже вариант!

– Просто это лучше, чтобы ты знала всю правду настаивал Ганс, – я не люблю тебя, и мне жаль, что ты так унизилась передо мной. Я не виноват, ты знаешь.

Ясно, что он не был истинным ловарем. Она знала его уже два месяца, знала, как неожиданного и странного юношу. Но не совершенно дремучего. В замешательстве случайно наткнулась рукой на мокрую склизкую шляпку гриба и спросила:

– А любишь ли ты жареные грибы?

– Хочешь обидеть меня, да, говоря о грибах в такую минуту? Ты, наверное, намекаешь, что я бесчувственный?

– Да! Ты не любишь меня, зато любишь хорошо поесть, видно сразу, – согласилась Грета.

– Это мое право! – отрезал Ганс.

– Записанное в Декларации о правах человека Клауса девятьсот девятнадцатого, я и не спору, – успокоила его Грета.

Наша Лавландская земля кишит грибами, особенно в августе. Ганс высек пламя зажигалки. Такое обилие грибов удивительно даже для Лавландии! Их видимо-невидимо, кругленькие толстенные шляпки соблазнительно лоснятся. Сощипывая шляпки с крепеньких ножек, Грета кстати вспомнила рассказ Розы о грибах – как будто бы они – воплощение сексуальности природы. На свете не было ничего такого, чего Роза не знала бы. И обо всем она рассказыва-

ла Грете, милая нянюшка! Действительно, есть что-то обнаженно-бесстыдное в плоти гриба... Грета поморщилась.

Ей казалось, что ещё ни разу, за все двадцать лет жизни, не было так скучно.

И ни в один из двадцати прошедших августов она не приносила домой столько грибов. В пакете, в узле, связанном из свитера, в кепке Ганса, просто нанизанными на веточки. Тетка удивилась:

– Столько грибов найти ночью в лесу? Такого не бывает. Всё вы врёте. Грибники, тоже мне.

Такая тётка. Мрачноватая. Грете порою хотелось убежать в лес, только не слушать ее карканье. Но красивая, с этим и Ганс согласился. Лицо – нежное, аккуратненькая ямочка на подбородке. А глазища такие безмятежные, как новенькие. И стройная, и движения хороши, точны. Но тётка была одинока. Вот откуда мрачность. Она одна вспахивала свой маленький огород на своём маленьком фермерском тракторе. Казалось бы, всё ясно. Но откуда взялось это самое её одиночество? Тут загадка. Грета часто размышляла над теушкиной загадкой. Ведь больше у нее никого родных не было. Эугения ее и вырастила.

Когда уехал Ганс – у него была ужасно бледная грустная физиономия, всклокоченные волосы, и он пробормотал на прощание что-то нечленораздельное, – когда наконец уехал Ганс, а рано утром до его отъезда начался унылый дождь, он так и отправился на станцию, пригибаясь под кап-

лями дождя – когда он наконец уехал, тетка и племянница уселись за маленьким столиком у окна на веранде – чистить и мыть грибы.

Неожиданно для самой себя Грета спросила:

– Послушай, тёть, ну почему ты не вышла замуж, а?

Эугения поежилась, как бы от холода, и ответила:

– А ты выйдешь, да?

– Конечно.

– Ну и за кого?

– А за самого прекрасного человека на свете!

– Ага, – сказала тетка.

Грета прикрыла глаза и почувствовала вдохновение.

– Он будет щедр и великодушен, словно весь мир принадлежит ему. Безмятежен и спокоен, словно у него десять жизней. Умный, всепонимающий – как бог. Прекрасный.

– Супермен, – отметила тетка.

– Но главное – он будет любить меня бесконечно...

– А это еще почему? – перебила Эугения.

– То есть как – почему? – не поняла Грета.

– Тыква ты, – заметила тетка, – крайний инфантилизм!

– Почему?

– Факты!

– Разве Карлсон не любит Клару?

Карл Карлсон, молодой фермер, все ночи напролет неустанно ревел под окнами мотоциклом, пока Клара, подруга Греты, вместе с ней гостила у Эугении. Клара уехала

недавно. Карл ещё немножко поревел и заскучал.

– Нет, – отрезала тётя.

– Даже Клара растрогалась, когда увидела такое отношение.

– Скорее слышала, ха-ха. Тем хуже для неё! И хватит глупостей. Спускайся с облаков, а то брякнешься и расшибешься, – предупредила тётка.

– Неужели невозможно, чтобы все было хорошо, даже если очень постараться? Неужели ты так в этом уверена, тёть?

Эугения взглянула на нее с ехидной улыбочкой. Грета возмутилась:

– С тобой совершенно невозможно разговаривать, ты просто цинична!

– Угу, – согласилась тётя, – попробуй-ка поговори с тыквой.

Дождь все усиливался, порывистый северный ветер, как пастух овец, сгонял все на свете тучи на крышу виллы. Грете стало холодно, темно, скучно, и капельку не по себе. Но тишину разбил рёв мотоцикла. Прибыл Карл Карлсон. Огромного роста, в красной косухе и в красном мотоциклетном шлеме, делающих его фигуру еще более величественной. С него бежали ручьи. В руках он держал помидор-гигант.

– Тыква! – громогласно провозгласил гость, входя.

Грета поежилась. Но похоже, он говорил только об овоще! На его ладонях лежал редкостный помидорище, весь покрытый дождевыми каплями. Круглолицый, румяный Карлсон весе-

ло взирал на тетю и племянницу сверху вниз. Улыбаясь, он показывал крепкие белые зубы, и очень напоминал обычного фермера, гордого своим урожаем. Но Грета знала, что очевидность часто гримасничает, пряча суть под различными личинами. Карл Карлсон, должно быть, не так прост, что-то должно скрываться за парадным фасадом – то, чем он заинтересовал Клару, особенное.

– Посмотрите, только посмотрите на это чудо природы! Я дарю его вам, Эугения.

Тетя недоверчиво хмыкнула.

Карл кажется таким добродушным. И наивным, и честным, и открытым. Наверное, эта чистота и есть его особый дар, оцененный разборчивой Кларой. Сама Клара – прямая и смелая. Она в некотором смысле сноб, ей никто не нравился, на каждом умела разглядеть тараканчиков. Теперь же – Грета знала – Клара с сожалением покинула деревню. И в Шуры-Муроме скучает, и снится ей рёв мотоцикла.

Шуры-Муром – столица Лавландии. Конечно, это совсем не тот Муром, что в далёкой азиатской стране России стоит на реке Оке, замечательный своими муромскими свиньями мясосальных пород. Наш лавландский Шуры-Муром, не сомневайтесь, настоящая европейская столица. Случается, и здесь держат декоративных домашних свиней, и я даже расскажу об одном таком случае, но не это главное в Шуры-Муроме. Метро, ботанические сады – и какие сады, о них я тоже расскажу! Небоскребы, дворцы и музеи, универси-

теты, научные и деловые центры мирового значения... Наша Лавландия, что и говорить, богатая и развитая страна. Не участвовала в Хельсинском соглашении, это верно, но почему? А потому, что Декрет о правах человека в Лавландии действует уже четыреста лет! Наша Лавландия ведь страшно древняя страна. Когда Эхнатон женился на Нефертити, Клаус Первый взял в жёны русалку. Но Шуры-Муром при этом – совершенно новый город.

Случилось так, что наша прежняя столица Санта-Клаус, столь же древняя, как и сама страна, сгорела до тла. Ровно двадцать пять лет тому назад. Это была страшная трагедия, весь мир содрогнулся! Сгорели замки, мосты и храмы, находившиеся, между прочим, под надзором ЮНЕСКО. Сгорел зоопарк. Кипела вода в бассейне у моржа. Орлы носились в багровых небесах, как огнехвостые кометы. Рёв слонов и тигров слышали в далёком Китае и на Северном полюсе. Да что там, у меня с тех пор в ушах звенит. Я была там, в центре событий, почти в самом пекле, а как же иначе? И все видела. Рядом со мной сгорело множество корреспондентов с камерами и блокнотами. И докторов, и машин скорой помощи. Древнейшая в мире библиотека. Сам король Клаус Тысячный в своем дворце! Молчу о бизнес-центрах с прозрачными лифтами, о стадионах, о больницах... Но старики и младенцы на операционных столах! Сгорел сам хромосом бессмертия! Наши Лавландские учёные к тому времени как раз открыли хромосом бессмертия. Но и он траги-

чески погиб в колбе из жаростойкого стекла, потому что оно расплавилось. Сгорел первый подопытный человек, которому был имплантирован ген. А собирался жить вечно! Сгорели учёные. А они так мечтали о бессмертии! Сгорело множество простого лавландского народа, в чьи планы это тоже не входило... Чёрным сделалось небо Лавландии.

Но крики смолкли, со временем пепелище заросло крапивой и мелкими жёлтыми цветочками. Новую столицу построили вдалеке от страшного места, точно посреди Лавландской земли – во избежание неточности мерили гигантскими циркулями, каждым из которых управляли семьдесят семь вертолётчиков. На трон взошёл Клаус Тысячепервый, по счастью в момент трагедии отправившийся в Италию на чемпионат мира по футболу в качестве портного сборной своей страны. Он и взойдя на престол немного шил.

Но я отвлеклась. На чём же мы остановились? Кларе пришлось поспешно возвращаться в Шуры-Муром? Ну конечно! Это из-за брата.

Её брат Марк был виолончелистом. Всё время летал, и всегда в разные стороны – то в далёкую Америку, то в неведомый Китай. Даже в том загадочном Муроме на реке Оке, между прочим, был. Когда где-нибудь приземлялся – играл аборигенам на своей виолончели, а они восхищались. И ни одна душа не догадывалась, что Марк до сих пор даже не научился обращаться с виолончелью. Играть-то он умел, но ухаживать за инструментом – нет. А это важно. Покупать

специальный бальзам, чтобы протирать струны, и заворачивать ее на ночь в плед, чтобы не простудилась. Всё это умела Клара. Поэтому она и возвратилась в Шуры-Муром так поспешно.

– Как много грибов! Неужели в нашем лесу можно столько найти? – изумился Карлсон.

– А я и не искала, – пожалала плечами Грета, – они случайно мне попались. По недоразумению. Это было очень смешно... Это не было смешно. Это было скучно.

– Всё она врёт, а ты уши развесил! – отрезала тётя. Но Карлсон уже забыл о грибах.

– А Клара не звонила случайно?

– Нет.

– А что она сказала перед отъездом?

– Она сказала... нет, не помню. Что-то такое. Про деревенскую жизнь. А ты позвони ей, спроси. Она будет рада.

– Ты думаешь? У нее в Шуры-Муроме брат – виолончелист. О чём мне говорить с ней? Не буду же я ей рассказывать про помидоры?

– Расскажи обязательно! Она любит всё такое.

– Правда? – Карл простодушно обрадовался.

Поспешно распрощался и убежал под дождем. Он так решительно прыгнул с крыльца, что Грета рассмеялась.

– Какой милый! – воскликнула она.

Эугения фыркнула и на вопросительный взгляд племянницы кратко ответила:

– Шут гороховый.

– Ну зачем ты так?

– Потому что кривляется. Злость берёт. Клара и этот кокетливый прохвост – подумать только...

Кажется, у неё в глазу осколок дьявольского зеркала, которое ведь было разбито как раз где-то здесь, в нашей Лавландии, неподалёку. Самое непостижимое и ужасное, что на самом деле Эугении даже не нужно самой вскапывать свой огород на маленьком фермерском тракторе! Она могла бы покупать сельдерей и морковь в магазине, потому что получает хорошую ренту с хорошенького капитала. И вилла у неё богатая. Но тётиная загадка сделала её странной и непредсказуемой. Она даже в гости ездит на своём маленьком тракторе, и не желает купить автомобиль.

– Как так можно попусту ругаться? Он еще ничего плохого не сделал, – отчаянно защищала Грета Карлсона.

Тетя фыркнула, и особенно энергично заработала ножиком. Потом сказала:

– Думаю, нужно приготовить их с лимонным соком. Будет объедение немислимое.

Грета в задумчивости уставилась на тётю. Она ведь не злая, она так добра к ней, к племяннице. Откуда же эта нетерпимость? И вдруг поняла! В миг разгадала тётину загадку. Всё просто! Цинизм – защита глубоко уязвленных, а не оружие злых. Когда-то Эугения, должно быть, пережила разочарование, может быть, предательство. И с тех пор как

черепаха отсиживается в панцире, боится высунуть голову и лапы. Как и черепаху, её не переубедить и не выманить наружу.

Она видела голову Медузы Горгоны! А это, говорят, ужасное зрелище...

2. Ганс ни при чём

Наша Лавландия – королевство с сильной древней аристократией, берущей начало ещё от викингов. Ну и что? Аристократия ничуть никому не мешает и на демократические свободы не покушается. Как раз напротив – все аристократы заодно народные депутаты в парламенте. Что поделаешь, народ любит свою историю!

Графиня Ариша Викинг не случайно носила это звучное имя. Она принадлежала к одной из самых знатных фамилий королевства. Но с ней приключилась странная история. Когда-то она вышла замуж за бедного и невзрачного солдата Льва До-ручки, и теперь проживала с ним под одной крышей уже двадцать шестой год. Совсем недавно о той истории напомнила своим читателям, и мне в их числе, наша столичная газета «Шуры-муры», благо был замечательный повод:

ЧИСТОСЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА, светская хроника

Блестящая графиня Ариша Викинг и доблестный капитан Лев До-Ручки справили в прошедший уикэнд серебряную свадьбу.

Немногие уже помнят загадочную историю, двадцать пять лет назад взволновавшую общество и взбаламутившую свет. Прекрасная юная графиня, представительница древнейшего аристократического рода Лавландии, поспешино и необъяснимо вышла замуж за никому неизвестного простого солдата. От этого снесло флюгер с крыши королевского дворца. А народ вышел на демонстрацию протеста. Парламент поставил вопрос о переводе времени. После горячих дебатов решили ограничиться переносом выходных. Потом их переперенесли обратно. Но всё равно, все мы с горечью чувствуем – это у же не те выходные.

Однако, со временем капитан До-Ручки снискал уважение всего лавландского общества. Король Клаус Тысячепервый пожаловал ему орден героя Лавландии и собственноручно сшил ленточку, и для графини – ленточку на память.

Огромная скатерть была расстелена на Дворцовой площади. Реяли флаги, дым стоял коромыслом, принцесса лично угощала сигарами. Потом исполнили гимн, отчего сами собой включились все автомобильные сирены. Народ вышел на праздничную демонстрацию. И я там, как говорится, бы-

ла, мёд-пиво, как водится, пила...

Ваша корреспондентка

А недавно Лев в чине капитана вышел в отставку, и теперь все время проводит в своем уединенном кабинете, зависая в Глобальной Сети.

Так вот, эти самые графиня Ариша и мрачный капитан приходились родными отцом и матерью Гансу, тому самому Гансу, который невзлюбил Грету, но тем не менее помог ей собрать грибы, а тётя Греты Эугения затем со вкусом их приготовила с лимонным соком, и с удовольствием поужинала вместе с племянницей... Вот такая запутанная история!

Ганс любил дом в центре Шуры-Мурома, на улице Кисельной, дом из прекрасного терракотового кирпича, потому что в этом замечательном доме жили его родители, а сердцу не прикажешь! Он любил покатуую стилизованную под старину черепичную крышу, кованый черный флюгер, узорные решетки на окнах, и аккуратный палисадничек, где его мать выращивала только самые изысканные цветы.

Теперь там было полно похожих на щеточки, лиловых, осенних. И много палой листвы всех оттенков – от свежелимонного до цвета пареной репы, любимого блюда матери.

Ариша Викинг сама открыла дверь и, увидев сына, соорудила недовольную гримаску.

– Ну чего тебе? – спросила она вместо приветствия.

– Да так, просто мимо шёл, – отвечал Ганс.

– В пятницу ты тоже мимо шёл... – недовольно проворчала графиня.

– Как поживаете? – Ганс попробовал замять неловкость.

– У нас полно дел. Папа будет недоволен, – предупредила мать.

– Ну и тролль с ним, – заметил Ганс (так ругаются у нас в Лавландии).

– Как ты смеешь говорить так о своем отце! – всполошилась графиня.

– Так я войду?

Она отступила и пропустила сына в дом. Однако заметила:

– Баран!

– Это я – баран? – Ганс в растерянности топтался в холле. Надо бы обидеться и уйти. Но холодно, дождь. Вместо этого он спросил:

– Папаша не одолжит мне свой старый зонт? Я, кстати, за ним и пришел. А не потому, что мне делать нечего.

– Спроси у него, – ответила мать угрожающе.

Как она стройна, как изящна! Ганс, как это часто с ним бывало, залюбовался ею. Он обожал мать. В детстве, гуляя на лужайке, собирал для нее ромашки. И теперь восхищался ею, тем более, что сам был на нее похож, как близнец. У него – то же благородное изящество, тот же нрав, те же вкусы и склонности, те же взгляды. Он любил ее, как самое

себя. И ему было обидно, что она предпочитает его обществу – папашино.

Капитан Лев имел мрачный облик, неожиданный в изысканном доме самого прогрессивного психолога Шуры-Мурома (графиня в академики пока не баллотировалась, но много практиковала и даже издавала научный журнал). Её пациентки и редколлегия сначала пугались и недоумевали, зачем здесь этот урод, откуда и кто он. Но капитан Лев умел понравиться дамам обходительностью. Пациентки со временем переставали его пугаться, привыкали, хохотали над его грубоватыми остротами, ценили за мужество, когда-то проявленное на каких-то фронтах, звали «наш капитан» или «наш лев».

А между тем Ганс, сын мужественного капитана и изысканной аристократки, жил в маленькой комнате в Угольках, на рабочей окраине Шуры-Мурома. Его родители утверждали, что молодому человеку необходима самостоятельность. Но Ганс подозревал, что отец попросту ненавидит его сызмальства. Мать невезучий Ганс тоже всегда раздражал. Он ухитрялся с самого своего младенчества все делать и говорить именно так, как графине не нравилось. Соберет на лужайке букетик ромашек, подарит своей мамочке, а она недовольна. Зато ей нравилось все, что делал капитан Лев!

Ганс отправился в отцовский кабинет, на второй этаж, за пресловутым старым зонтом. Лестница вся была изукрашена охотничьими трофеями – головами огромных вепрей,

диких козлов, оленей и зайцев со стеклянными глазами. Черепа мерзко скалились – они скалились на Ганса каждый раз, когда он навещал отца. С каждым шагом подниматься было все тяжелее. Перед дверями кабинета стоял уже не тот Ганс, что был внизу, а сгорбленный, трепещущий, как сухой стручок, и даже похожий на отца.

Капитан До-ручки сидел за столом и общался с Глобальной Сетью. Он не обратил на сына ни малейшего внимания. Ганс в нерешительности топтался за его спиной. В кабинете было еще больше ветвистых рогов и голых черепов по стенам, с каждым днём они делались всё мертвее и все страшнее скалились. Еще там была громоздкая, самая простая и необходимая мебель. Диван покрыт медвежьей шкурой, а на стене над ним коллекция старинного боевого и охотничьего оружия, проржавленного кровью. Надо сказать, в Лавландии редко встретишь такое убранство. Аристократы и вовсе никогда не обставляют свои кабинеты с феодальной мрачностью, стыдясь вспоминать былую кровожадность своего сословия.

Ганс знал, что мама сюда не заглядывает. Даже она не выносит вида клыкастой комнаты. А ведь она не испытывает по отношению к капитану тех сложных противоречивых чувств, что мучают Ганса!

– Что тебе нужно? – спросил отец, не оборачиваясь, громовым голосом, какой трудно было предположить в его тщедушном теле.

– Платить за комнату и на сигареты. Я ничего не ем, – ответил сын.

– Баран! – заметил капитан, – пойди, вымойся. В таком виде нельзя приходить к родителям.

В Угольках у Ганса не было ванной. А при папашинем кабинете – отдельная ванная комната. Отделанная роскошно, как если бы принадлежала другому человеку – не тому, кто развесил клыкастые черепа. Мрамор, бронзовые краны, ручки, крючки. Огромные, мохнатые, махровые полотенца. У капитана чистоплотность стала манией. Иногда он мылся несколько раз в день. И мыла, шампуни, бальзамы, кремы для бритья держал самые разнообразные.

Дверь в ванную комнату была приоткрыта. Сквозь щель поблёскивали краны. Ганс зажмурился и закусил губу. Он хотел уже бежать, но, преодолев слабость, отправился мыться.

Ганс предвидел, что все будет именно так. Пусть он не мылся уже давно – с прошлой пятницы, но конституция тела, которую он унаследовал от матери, так благородна, что он может вовсе никогда не мыться – от него ни в коем случае не исходят неприятные запахи, кожа при любых обстоятельствах источает один только чудесный аромат цветов, остается нежной и золотистой. Об этом ему сообщила подруга Жоржа, корефана, простая, но добрая девушка. Ганс ненарочно сломал ей руку, когда в комнату неожиданно вошёл Жорж. Ему ведь надо было поскорее скинуть ее с дива-

на, чтобы Жорж не вообразил невесть что. (Друг все-таки!). Просто руки слишком тонкие. И на диван лезет без спросу. Несмотря на это недоразумение Ганс продолжал относиться к ней по-прежнему хорошо. Но больше всех он любил своих родителей!

Ганс закрыл дверь на щеколду, напустил пены и теплой воды, неторопливо разделся и погрузился в чудесную ванну. Он прикрыл глаза и на секунду попытался вообразить, что принимает ванну в родном доме, мама парит репу, отец висит в Глобальной Сети, и все нормально...

Когда Ганс спустился в гостиную, мать сидела за чайным столиком, уставленным прекрасным матовым фамильным серебром. Почти всё серебро древних викингов теперь в виде бесформенных слитков покоится под толщей пепла. Но графиня Викинг сумела уберечь свои сокровища. По странному стечению обстоятельств незадолго до пожара юная аристократка продала свой городской дворец и перевезла всё добро в небольшой фамильный замок на живописном берегу Мурены.

В сахарнице белел рафинад, в сухарнице красовались пирожные с клубникой и манная каша с земляникой. В отдельной крыночке – прекрасная пареная репа. Графиня пила настой из незабудок.

– Отобрал у отца последний зонт, бессовестный? – напала она.

– К сожалению, про зонт я забыл, – Ганс уселся напротив нее.

Графиня подала и ему фарфоровую чашечку с настоем из незабудок.

– Пей скорее, – предупредила она, – ко мне скоро придёт редколлегия. А тут ты сидишь.

– Мне не нужен ваш чай, – Ганс выскочил из-за стола, – если какая-то там редколлегия вам важнее меня! Это вы меня родили, я не виноват!

Вздорный юноша убежал, хлопнув на пути всеми пятью дверями.

– Баран, – задумчиво проговорила ему вслед графиня Ариша, впрочем, ничуть не расстроенная.

Клетушка Ганса в Угольках располагалась под лестницей и размерами напоминала собачью будку. Окна не были предусмотрены. А ещё обшарпанный пол, стены со следами желтых обоев, зеленые острова и рифы на потолке, ржавая раковина. Всегда темно. Тараканы ночью и днем шуршат лапками.

Ганс предпочитал существованию при электрической лампочке просто забытие. Лежа на продавленной, наверное, еще при Клаусе девятьсот девяносто седьмом кушетке, Ганс целый день созерцал эту темноту, между тем как соседи сновали над его головой снизу, и сверху, и со всех сторон, хлопали дверями. Что-то делали, как-то жили. Иногда бедно-

му Гансу хотелось лаять. На соседей, на всю улицу, даже на единственного своего друга Жоржа.

В тоске он вспоминал графиню Аришу. Прекрасная, изысканная, она пользуется тончайшими духами, спит на шелке, ездит на «игуане», бывает при дворе. Ее дом полон ароматов, благовоний, индийских палочек и розовых лепестков для белья. Она пьет чай из незабудок. От нее Ганс унаследовал благородную осанку, изящные руки и ноги, длинную шею, нежную кожу, безукоризненный овал и черты лица, чистоту всех линий, идеальную форму ушей. А так же ее прозрачные голубые глаза, капризность и склонность к роскоши. Но она отказалась от удовольствия видеть своего сына каждый день, она отослала его из дома, как только он закончил школу и впервые провалился на вступительных экзаменах в университет. Наверное, бочки катил отец.

Во всяком случае, Ганс не понимал, за что его выгнали. В этом году он в шестой раз провалился на экзаменах, шестой год обитая в Угольках. Зачем же тогда Угольки? А другие родители, даже не аристократы, небогатые и несчастливые, любят и невезучих детей. Ганс затаил обиду. Порою ему становилось так больно и одиноко, что он плакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.